

И. БЕРКОВИЧ

Иллюстрации Михаила Зичи к «Слову о полку Игореве»

В 1854 г. в Петербурге вышло из печати новое иллюстрированное издание «Слова о полку Игореве».¹ Иллюстрации для этого издания были выполнены венгерским художником Михаилом Зичи.

На всех четырех гравюрах, опубликованных в издании 1854 г., читается сигнатура «Zichy 1853», написанная латинскими буквами. В более поздних изданиях, например в пятом, вышедшем в 1876 г., эта сигнатура уже пропущена и имя иллюстратора написано кириллицей.

Неизвестно, что случилось с оригинальными рисунками, выполненными Зичи для иллюстраций, гравюры которых были изготовлены типографией Imp. Lith. de Münster. Фон иллюстраций имеет охристо-желтую или бледную желтовато-серую окраску. В то время гравюры по дереву печатались на желтоватом фоне, отличающемся от цвета бумаги. Но в данном случае это неважно, важно лишь то, что фон не везде и не в полной мере одинаков, а окраска же фона органически входит в композицию. При помощи темных тонов фона Зичи изобразил на верхней части иллюстраций тучи без контуров, применяя их и для изображения затемненного солнца. Гравюры, выполненные до некоторой степени грубоватой и примитивной техникой, имеют несколько тяжеловатый характер.

Хотя и штриховка на них сделана более толстыми линиями, все же видно, что Зичи талантливый мастер рисунка.

Необычайно красивая поэзия «Слова о полку Игореве» побудили Зичи к созданию иллюстраций. Благодаря знакомству с русской стариной в нем ожили воспоминания о завоевателях Венгрии, прибывших с Востока, и вместе с тем вспомнилась и жизнь венгерских королей из династии Арпада, поддерживавших сношения с Киевской Русью. Во время создания «Слова о полку Игореве», в эпоху князя Игоря, связи русских с венграми были еще весьма тесные. Сношения Киевской Руси с венгерскими королями были, по-видимому, известны и Зичи. В «Слове» имеются указания на венгров, которые безусловно интересовали и нашего художника. Разногласие русских князей напоминало ему распри и братоубийственные войны, которые имели место и в венгерской истории XII столетия. Наверно, с большим интересом читал он и место, где о помощи взывают к отцу жены Игоря, Ярославу, против Кончака и половцев, ибо Ярослав, затворив Дунаю ворота, загородил путь венгерскому королю. В других

¹ См.: «Слово о полку Игореве». Под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 16. В венгерской литературе уже с 1858 г. известна русская поэма, которой венгерские исследователи неоднократно уделяли внимание «A jokulátor Kévdés az Igorének más orvoz ráshuzamok mezejátárában» («Вопрос о скорморохах в освещении „Слова о полку Игореве“ и других русских памятников»): Filologia Közlöny, 1955, стр. 309—332; 1956, стр. 61—77.

местах он мог читать о знаменитых венгерских лошадях именно там, где Святополк издал распоряжение о привозе убитого в битве отца: «между угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву».² Не подлежит сомнению, что не венгерские иноходцы, конечно, вызвали у Зичи чувство национальной гордости и пробудили в нем интерес к «Слову». Упомянутый город Киев вместе с Софийским собором воскресил в его душе события древневенгерской истории, ибо в Киеве при дворе Ярослава Мудрого воспитывался более десяти лет венгерский король Андрей I, который впоследствии женился на дочери Ярослава Мудрого. Подобно г. Киеву, и Софийский собор пленил венгерского художника своей необычайной художественной красотой. Прекрасная архитектура русского средневековья захватила его тем более, так как под сводами ее не раз проходили Андрей I и его брат, отец св. Владислава, Бела I. Фрески, украшающие стены старинных лестниц Софийского собора, и теперь бесподобны в своем роде. Их создатель в XI столетии увековечил не только интерьер дворца и присутствующих княжеских гостей, но и скоморохов, которые изображены с удивительно свежим реализмом. Подобно тому как выдающийся живописец XI в. посвятил свое искусство изображению не только святых и бояр, но и бедных комедиантов княжеских дворцов, Зичи при иллюстрации «Слова» в первую очередь упомянул о певце великой поэмы. В первой иллюстрации (Боян) он не ставит себе задачей изображения какой-то части текста, а стремится воплотить в жизнь неизвестного бессмертного поэта. Таким образом, первая иллюстрация, собственно говоря, не является иллюстрацией в строгом смысле слова, а скорее служит заглавной страницей без надписи. На это указывает и тот факт, что она помещена не среди текста, а перед введением, написанным Н. В. Гербелем.

Обрамленный ветками, певец сидит на голой скамье и, играя на своем инструменте, повествует о минувших событиях и участниках похода Игоря. Фигура певца, изображенная очень выразительно, означает тут действительность, а герои, появляющиеся в его воображении и выполненные только контурами, переносят зрителя в поэтический мир эпопеи.

Зичи создал образ Бояна, придерживаясь характеристики его, изложенной в поэме. Поэт, глядя в глубь веков, переживает драматические картины великих битв во время похода против половцев и, подобно Бояну, заставляет звучать струны своего инструмента. При изображении безымянного певца Зичи помогло хорошее знание быта русского народа. Прототипом этой иллюстрации послужил его рисунок гармониста, выполненный в то же время и хранящийся в Государственной Третьяковской галерее.

В остальных иллюстрациях художник изобразил только славные деяния и успехи Игоря, обходя молчанием неудачи и междоусобные распри князей. В первой иллюстрации он показал все, что не мог выразить на последующих, несмотря на то, что они представляли собой самые характерные мотивы и даже наиболее интересные рассказы поэмы. Здесь появляется герой эпопеи, князь Игорь, который, обнажив меч, решительно указывает вперед. Но возле него стоит тревожащаяся за мужа Ярославна, убежавшая от половцев в крепость Путивль. Плач Ярославны является одной из лучших частей поэмы. Эти строки, заключающие мольбу, обращенную к солнцу, за мужа, хотя вполне и заслужили быть иллюстрированными, но это, к сожалению, не было осуществлено.³ От-

² «Слово о полку Игореве», стр. 16.

³ В одном более позднем издании А. I. Charlemagne выполнил особую иллюстрацию для изображения Ярославны, плачущей на башне.

чаявшаяся женщина изображена как мимолетное видение фантазии поэта: «враждебный» ветер надувает ее одежду, когда, сложив молитвенно руки, она обращается с мольбой к небу. Позади ее стоит воин с резко очерченным профилем, по-видимому, брат Игоря, Всеволод, который представлен тут не как испытанный герой сражений, а как угрюмый человек с задумчивым лицом, недовольный происходящими распрями между братьями, влекущими за собой поражение и бедствие. Кроме них, видны еще две фигуры, но мы не в состоянии идентифицировать их с действующими лицами эпопеи. Их изображением Зичи как бы предрекает трагический исход событий, показывая плененного воина с завязанными сзади руками, ведающего торжествующим победителем.

Хотя и намеками, но все же довольно прозрачно художник указывает на трагический исход похода при помощи символов, расположенных в декоративном обрамлении, охватывающем нижнюю часть рисунка. По середине лежит вдавленный щит Игоря с трещиной, покрытый цепью как символом поражения. Вправо от него виден разбитый меч, а влево — бердыш, над которым летает зловеющая птица, предположительно заместительница Дива.

Плетям обрамления не следует приписывать никакого символического значения. В них отражается влияние К. П. Брюллова, который при создании портрета Крылова нарисовал подобное же обрамление, разместив в нем характерные сцены его басен.

Вторая иллюстрация, расположенная после введения Гебеля перед началом первой песни, уже органически связана с текстом поэмы. В ней соединены два момента эпопеи. Один из них указывает на князя Игоря, возглавляющего русские войска, а другой — на появление знамений, предвещающих несчастье: затемнение солнца и группу встревоженных птиц. При отходе в поход «Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою, вся своя воя прикрыты. И рече Игорьъ къ дружинѣ своей: „Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полочену быти, а всядем, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону“». ⁴ Сказав это, он занял место во главе своей дружины, затем же «въступи... въ златъ стремя, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуши ему грозою, птичь убуди...». ⁵

На второй иллюстрации Зичи изобразил Игоря, едущего по чистому полю, но вместе с тем стремился разрешить и более трудно выразимую проблему: показать дружину со спустившейся на нее мглой от затемнения солнца. Разрешение проблемы то же самое, как и в первой иллюстрации: фон рисунка темный. На заднем плане едут воины Игоря, изображенные расплывчатыми очертаниями. Над ними фон образует разорванные облака, среди которых виден диск потемневшего солнца. На первом плане испуганный конный дружинник подскакивает к Игорю и, показывая на затмившееся солнце и на каркающих воронов, обращает его внимание на эти дурные предзнаменования. Но Игорь непоколебимо сидит в своем седле, с пренебрежением относясь к его словам. На предупреждение он молча, решительно указывает рукой вперед. Он сидит на своем вороном коне с благородной осанкой, одетый в панцирь с наброшенной поверх мантией, обшитой горностаем, держа в левой руке щит. При изображении панциря, шлема, щита и вооружения художник стремился по возможности подражать тогдашним военным доспехам и только при разработке рисунка мантии позволил разыграться своей фантазии. Портрет Игоря во

⁴ «Слово о полку Игореве», стр. 10.

⁵ Там же, стр. 12.

всех иллюстрациях соответствует характеристике, данной поэмой. Его лицо обаятельно строго и благообразно. В нем нет никакой сентиментальности и преувеличенной романтики. Игорь не представляет собой слишком идеализированного героя. Он является скорее фигурой, которой не чужды естественные и реалистические эмоции человека.

Обращает на себя внимание и изображение коней. Подобно тому как разница характеров главных фигур переднего плана выражается различием мимики и жестов, так и в конях отражается различие душевного состояния их всадников. Вороной конь Игоря с удилами, украшенными кистями, как будто чувствуя невозмутимое расположение духа своего хозяина, спокойно и чинно шагает вперед. А конь дружинника с испуганными глазами, раздувающимися ноздрями, открытым ртом и напряженной мускулатурой внезапно осаживается рукой всадника.

В третьей иллюстрации приведена сцена ожесточенной борьбы русских с половцами, предвещающей приближающееся поражение. Но беда не в поражении, а в усобице между братьями. В этой иллюстрации увековечено только начало сражения, оказание помощи Всеволоду со стороны Игоря в то время, когда они еще в полном согласии воюют с врагом. Здесь в полной мере отражаются виртуозная техника художника, равно как и его даровитость в характеристике и композиции. Сцена сражения переполнена движением. Мышцы воинов напряжены, и эта напряженность пронизывает всю картину. В центре сцены стоит «ярый тур» Всеволод с поднятой секирой в руке, как раз собираясь ударить половца, который, заменив своего падающего раненого товарища, обхватывает князя, чтобы повергнуть его на землю. За спиной Всеволода дыбится конь Игоря. На нем сидит князь, который, поднимая свой меч, старается воспрепятствовать намерению врага. Голова Всеволода покрыта — в соответствии с описанием поэта — золотым шлемом. Игорь устремляет суровый взор на противника своего брата. Латы обоих братьев прикрыты обшитыми горностаем мантиями с короткими рукавами. Несмотря на одинаковую одежду, индивидуальное различие братьев подчеркнуто и художником. Из-под шлема Всеволода видны лишь его сверкающие от гнева глаза, а лицо Игоря, решительное, обрамленное белокурыми волосами и короткой бородой, более спокойно.

Четвертая иллюстрация расположена после плача Ярославны, перед рассказом об освобождении Игоря из плена. За волнующей сценой борьбы следуют более спокойные мотивы. Вызываются князя соединить свои усилия для защиты страны. Описывается побег Игоря из плена, но поскольку поэт ничего не говорит о том, как же попал князь в руки врага, Зичи тоже обходит молчанием этот эпизод и запечатлевает только радость, выразившуюся в словах реки: «Книже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!».⁶ Донец, значит, одобряет побег Игоря, который, как и в предыдущей сцене сражения, без шлема сидит на своем коне, почтительно сняв его перед мускулистым старцем-великаном, с длинной бородой и волосами на голове, охваченными венком из листьев. Этот великан олицетворяет собой реку. Конь, остановившись, нагибает голову, а соратник Игоря, Овлур, припав к земле, утоляет жажду, зачерпнув шлемом благотворящую воду Донца. Его смелое движение представляет собой тоже контраст с фигурой Игоря, который, сидя прямо на коне, почтительно прислушивается к словам реки. Дух реки изображен непластическим способом, а, подобно воображаемой группе героев первой иллюстрации, бледными контурами, указывающими на его сверхъестественность.

⁶ Там же, стр. 29.

При создании этого рисунка Зичи, возможно, воспользовался изображением реки Нила на монументальной скульптуре эллинистического искусства, представляющей Великую реку в виде огромного старца с шестнадцатью младенцами.

Иллюстрации Зичи к «Слову о полку Игореве» разработаны с полным знанием поэмы.

Знакомство Зичи со «Словом о полку Игореве» оказало большое влияние на творчество художника. Он, например, собирался — под впечатлением сцен эпопей «Слова» — написать большую батальную картину, эскиз которой сохранился и находится в Третьяковской галерее (битва русских с врагами).
